

*Памяти
Юрия Васильевича Маретина
посвящается*

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXVIII
ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

1994

П. М. Мовчанюк

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА МАРЕТИНА

Если рассказать о том, чем занимался Юрий Васильевич Маретин, то перед нами предстает удивительно многогранная личность: ученый, педагог, собиратель книжной коллекции, организатор науки. Он известен как популярный лектор и руководитель отдела Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого; Юрий Васильевич занимал важные должности в ленинградском обществе библиофилов, в Восточной комиссии Географического общества СССР. На его плечах лежала ответственность по руководству крупным отделом литературы стран Азии и Африки Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, большая составительская и редакторская работа, общение с авторами, выступления на многочисленных международных и отечественных конференциях и симпозиумах, в обществах и на семинарах, ученых и научных советах, в кружках и лекториях, и бесчисленные встречи с учеными, научными работниками, библиофилами, блокадниками и ветеранами, художниками, писателями и журналистами, студентами и аспирантами и просто знакомыми и друзьями. Для всех у Юрия Васильевича находилось время и доброе слово. Он был удивительно петербургско-ленинградский человек, патриот своего города и России.

Также многогранен Юрий Васильевич был и в науке: этнография, антропология, экономика, политология, культура, религиоведение, исторногеография, книговедение, филология, библиография и др. — все присутствует в его творчестве, и это неудивительно, ибо Юрий Васильевич был прежде всего востоковед, а востоковедение, как известно, комплексная наука, предполагающая на базе хорошей языковой подготовки изучение смежных дисциплин. Не погрешу против истины, если скажу, что Юрий Васильевич был прежде всего индонезиеведом, ибо в большинстве случаев именно на фактическом материале этой страны были сделаны первые научные шаги и открытия, позволившие позже перейти к более широким региональным и типологическим

Ю. В. Мартин

обобщениям, снискавшим Юрию Васильевичу широкую известность в Советском Союзе и за рубежом.

Научное наследие Юрия Васильевича, так же как и его биография, вполне заслуживает углубленного изучения, ибо таковым был его вклад в науку. Я же в своей статье, не претендующей на всестороннее освещение его научной деятельности и трудов, остановлюсь лишь на характеристике Юрия Васильевича как ученого-востоковеда (он сам себя считал прежде всего, в первую очередь этнографом) и на его вкладе в отечественное индонезиеведение.

У А. И. Солженицына в повествовании в отмеренных сроках "Красное колесо", Узел I, "Август Четырнадцатого" есть такие строки: "Главный узелок нашей жизни, все будущее ядро ее и смысл, у людей целеустремленных завязывается в самые ранние годы, часто бес-

сознательно, но всегда определенно и верно. А затем — не только наша воля, но как будто и обстоятельства сами собой стекаются так, что подштытывают и развивают это ядро" (Звезда. 1990. № 9. С. 5). Прочитав эти преисполненные глубокого смысла слова великого писателя и гуманиста, я задал себе вопрос об этом "узелке" у Юрия Васильевича. Полагаю, что картина ленинградской художницы Л. Фроловой-Багреевой "Ленинградские библиофилы" (групповой портрет), написанная в 1981 г., дает в какой-то степени ответ на этот вопрос. На портрете изображены известные ленинградские библиофилы и среди них Юрий Васильевич. Перед склоненным над столом Юрием Васильевичем лежат две книги. Одна из них под названием "Блокада день за днем", а на обложке другой угадывается портрет индонезийца, вполне возможно, что даже первого президента Индонезии Сукарно, в характерном индонезийском головном уборе — пичи. Да, именно блокадные годы, выпавшие на детство и отрочество, сформировали "главный узелок его жизни": свободолюбие, свобода личности, независимость, обостренное чувство справедливости, сострадание к обездоленным и угнетенным, гуманизм. И через всю свою жизнь, будь то в науке или на службе, в общении с выше- или нижестоящими, Юрий Васильевич прошел как человек независимый, отстаивающий свои убеждения и взгляды, как человек с обостренным чувством собственного достоинства. Эти черты характера, не особо почитаемые и ныне, были жизнеполагающими для Юрия Васильевича. Не принимая их во внимание, трудно понять его научную и жизненную позицию.

Ю. В. Маретин родился 3 марта 1931 г. в Кронштадте, куда тяжелое лихолетье повальной коллективизации и массового раскулачивания забросило родителей. Подворье и хозяйство деда в Осьминском районе Ленинградской области было разорено. Сам он сослан в Сибирь, а по истечении срока ссылки местом проживания были определены Соловки. Старший сын, отец Юрия Васильевича, стал отходником, младший — рабочим на Колпинском металлургическом заводе. Во второй половине 30-х гг. родители Юрия Васильевича окончательно переезжают в Ленинград, и в 1939 г. он поступает в 321 школу, бывшую 1-ю гимназию.

Десятилетним пареньком встретил Юрий Васильевич Великую Отечественную. Чувство несправедливости и обиды перед надвинувшейся бедой сменилось готовностью и желанием к самопожертвованию во имя защиты города. Отец ушел добровольцем на фронт, а мать рыла окопы. Юрий Васильевич, как и многие другие ленинградские подростки — его сверстники, добивается того, чтобы его приняли в бригаду плотников, и занят он был в основном починкой крыш ленинградских домов. Начались героические будни блокады, которые Юрий Васильевич переживал с обостренным чувством формирующегося ха-

рактера. Как ни покажется странным, но именно блокадные годы обострили у него интерес к чтению, к книге. Уже тогда он стал собирать издававшиеся в Ленинграде книжки, которые стали основой его коллекции блокадной литературы. Страсть к чтению, как это часто бывает, побудила желание к тому, чтобы попробовать писать самому. Так появились его "Записочки о блокаде", своего рода рассказы рано повзрослевшего паренька об увиденном, услышанном и пережитом в блокадном городе. Тяжкие военные и трудные послевоенные годы подорвали здоровье юноши, развилась дистрофия сердца. Болезнь продолжалась почти целый год. Товарищи помогли перейти в десятый класс. А в 1950 г. Юрий окончил школу.

Развернувшееся после второй мировой войны в странах Азии национально-освободительное движение завершилось обретением независимости Индонезии (1945 г.), Вьетнама (1945 г.), Индии (1947 г.) и, наконец, образованием в 1949 г. КНР. Вполне закономерным представляется поступление Юрия Васильевича Маретина в 1950 г. на Восточный факультет Ленинградского государственного университета (отделение истории Китая кафедры истории стран Дальнего Востока). В то время на Восточном факультете трудилась целая плеяда всемирно известных востоковедов: И. О. Орбели, В. В. Струве, В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский, А. П. Баранников, Н. И. Конрад, Д. А. Ольдерогге, И. П. Петрушевский, М. Н. Боголюбов, Г. В. Ефимов и другие. Культурная и интеллектуальная атмосфера, царившая в стенах здания на Университетской набережной, 11, способствовала научным штудиям, располагала к творческим поискам. Здесь Юрий Васильевич впервые так глубоко и разносторонне соприкоснулся с Востоком, его иррациональностью и таинственностью, с теми учеными-педагогами, которые своими лекциями снимали этот покров таинственности. Учение, прилежное и самозабвенное, дополнялось общением с великими светочами востоковедных знаний, хранителями и продолжателями образованности, интеллигентности, научного бескорыстия и подвижничества во имя науки. Юрий Васильевич сполна воспринял от своих учителей востоковедные традиции, свято чтившиеся на факультете: трудолюбие, многочасовые бдения над книгой, самопожертвование во имя знаний, любовь к источнику и книге, самостоятельность в суждениях и отстаивание своей позиции, симпатии к народам и странам Востока и глубокое стремление к их познанию. Окончив факультет в 1955 г., Юрий Васильевич никогда не порывал с ним связи.

В 1955 г. Ю. В. Маретин был принят в аспирантуру Института этнографии АН СССР (ленинградское отделение), где предметом его изучения стала Индонезия. Этот выбор был далеко не случайным. Уже в начале 50-х годов процесс национально-социального освобождения в странах Юго-Восточной Азии стал особо привлекать внимание поли-

тических кругов и научной общественности в СССР. Возросшее на международной арене политическое и экономическое значение бывших колоний — Индонезии, Бирмы, Вьетнама, Филиппин — повлекло за собой установление дипломатических отношений с некоторыми из них, привело к открытию ряда новых специализаций в Московском и Ленинградском университетах, созданию в рамках Института востоковедения АН СССР сектора, а потом и отдела Юго-Восточной Азии. Благородные устремления первооткрывателя, первопроходца, а им Юрий Маретин, по сути дела, был всегда, в лице Индонезии нашли благодатную почву. Успешному становлению молодого исследователя индонезиеведом способствовали В. Г. Трисман, Л. Э. Каруновская и другие представители старшего поколения. Счастливым случаем стало знакомство с С. А. Болдыревой. Прочные семейные узы плодотворно влияли на творческий рост молодых ученых¹.

Юрий Васильевич сразу же устанавливает тесные научные связи со своими коллегами-индонезистами из Москвы, и в первую очередь с академиком А. А. Губером, начинателем изучения Юго-Восточной Азии в СССР. Творческие контакты с течением времени переросли в дружеские отношения. И, как неоднократно отмечал Ю. В. Маретин, обаяние этого удивительно доступного, доброжелательного, отзывчивого человека, его глубокая и всесторонняя эрудиция, научное бескорыстие, оказали на него благотворное большое влияние и как на ученого-востоковеда, и как на личность. А. А. Губер был первым официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации Юрия Васильевича. В дальнейшем их научное сотрудничество продолжалось в процессе работы над редактированием фундаментального труда "Народы Юго-Восточной Азии", вышедшего в свет в 1966 г. Бывая в Ленинграде, А. А. Губер всегда становился желанным гостем Юрия Васильевича² и всячески поощрял его научные штудии. Их добрые отношения продолжались до самой кончины А. А. Губера в 1971 г. И я думаю, что справедливы слова известного востоковеда Ю. Н. Гаврилова, сказанные им в октябре 1990 г. на защите докторской диссертации Л. Л. Тайваном в Институте стран Азии и Африки МГУ о том, что "Юрий Васильевич Маретин был выдающимся учеником А. А. Губера".

Наряду с московскими учеными А. Б. Беленьким, Н. А. Симонией, О. П. Забозлаевой, Е. П. Заказниковой, Л. М. Деминим, Ю. А. Шоломовым и др. Юрий Васильевич стоял у истоков становления советского индонезиеведения, а создание ленинградской школы прямо свя-

---

¹ Ныне С. А. Маретина, доктор исторических наук, — известный в стране нидолог.

² В апреле 1966 г. я был очевидцем их душевного разговора. Тогда Александр Андреевич спрашивал о здоровье детей, а Юрий Васильевич показал ему памятную медаль в честь рождения сына Егора.

зано с его творческой деятельностью и именем. В конце 50-х—начале 60-х гг. он устанавливает творческие контакты с зарубежными востоковедными центрами, в первую очередь с голландскими. Творческая и личная дружба Юрия Васильевича с одним из крупнейших индонезиеведов — голландцем В. Ф. Вертгеймом продолжалась до самой кончины Ю. В. Маретина. Он поддерживал научные связи с индонезийскими учеными Аве, эмигрировавшим после 1965 г. в Польшу, Кунчаранингатом и Харшей Бахтияром. Необходимо упомянуть об общении Ю. В. Маретина с индонезийским профессором Усманом Эффенди, который в 1956—1960 гг. преподавал на Восточном факультете. Юрий Васильевич поддерживал многочисленные контакты с учеными-индонезиеведами из США, Австралии, Франции, Польши. В выпущенной в 1965 г. в США фундаментальной монографии "Введение в индонезийскую историографию" Ю. В. Маретин характеризуется как перспективный ученый в Ленинграде, пишущий об Индонезии [33, с. 296].

Активному и плодотворному изучению Индонезии в Советском Союзе в первой половине 60-х гг. способствовали быстро улучшившиеся многосторонние связи между двумя странами. Росли взаимные контакты по линии АН СССР, крупных вузов. В Советском Союзе, в т. ч. и в Ленинграде, обучалась большая группа индонезийских студентов, аспирантов. В библиотеки поступала литература и периодика. В Индонезии с большим вниманием и интересом следили за работой советских индонезиеведов, печатали о них материалы на страницах индонезийской печати. Трагические события 1965 г., когда к власти пришли силы "нового порядка", прервали контакты, и только сейчас появилась надежда на их улучшение.

Научное наследие Ю. В. Маретина, как уже отмечалось, многогранно. Им написано свыше 150 работ по различным проблемам индонезийской этнографии, истории, экономики, историографии, искусству, культуре, религиям, политике, а также труды по общим проблемам теории общины, этноса, этнографии, региональной общности и т. п. [см.: 19, с. 334; 6, с. 210—211]. Многие труды Ю. В. Маретина отличаются фундаментальностью, высокой степенью научности и провиденциальным характером [1, с. 113; 5, с. 67, 97—98]. Остановилось лишь на некоторых направлениях научной деятельности ученого.

Свой путь в науке Юрий Васильевич начал с изучения общины одной из крупных народностей Суматры минангкабау. Первая его статья — "Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабау" [8, с. 75—93], сразу же привлекла внимание исследователей. В 1961 г. она была опубликована в престижном научном голландском журнале "Бэйдраген". В качестве кандидатской диссертации в 1961 г. была защищена публикация "Об-

пина минангабау и ее разложение" [9, с. 168—195]. Вполне логичным для такого типа ученого как Ю. В. Маретин было стремление перейти от частного к общему — изучению всей общины в Индонезии. В 1964 г. на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук Юрий Васильевич сделал научный доклад "Община и ее типы в Индонезии" [12, с. 326—351]. Предложенная им типология индонезийской общины выдержала испытание временем и стала существенным вкладом ученого в мировое индонезиеведение³.

Труды Юрия Васильевича по общине, во-первых, обратили внимание западных ученых на важность изучения различных аспектов этого социума в других частях Индонезии (монографии Кунчаранинграта, Бахтияра об общинах Бали, Явы, Ириан Джай [31; 35; 36], книги К. Гирца и Дж. Лансинга по балийской десе в 70-е—80-е годы [32; 34]), а во-вторых, показали всю сложность, неоднозначность, противоречивость этого многопланового организма и взаимосвязь, взаимообусловленность его отдельных частей. На протяжении всей творческой деятельности Юрий Васильевич неоднократно возвращался к различным аспектам общины. Так, в 1973 г. в соавторстве с С. А. Маретиной он опубликовал статью "Община у русских старожилов реки Баргузин, Восточная Сибирь (Полевые материалы к истории общины)" [23, с. 183—223]. В 1977 г. проблема общины рассматривалась в статье "Работы Н. И. Зибера по Индонезии и значение их для этнологии" [27, с. 149—162].

Подлинной энциклопедией народов Юго-Восточной Азии стала публикация в 1966 г. тома "Народы Юго-Восточной Азии" из серии этнографических очерков "Народы мира". Эту серию издавал Институт этнографии АН СССР. Том вышел под редакцией А. А. Губера, Ю. В. Маретина, Д. Д. Тумаркина и Н. Н. Чебоксарова. По существу, основная составительская и редакторская работа легла на плечи Юрия Васильевича. Он же был главным автором разделов по Индонезии.

Им написаны: 1. Общие сведения; 2. Исторический очерк; 3. Народы Суматры; 4. Народы Явы, Бали и Мадур; 5. Банджары, малайцы; 6. Культурная жизнь Индонезии. В соавторстве написаны разделы о языке и литературе и составлена научная библиография по

---

³ Необходимо отметить, что эта перспективная тема — проблема общины — была в центре научного внимания советских ученых в конце 50-х—начале 60-х гг. Появился целый ряд публикаций по общине Востока. И в этом направлении советские ученые занимали передовые рубежи в мировой науке. Однако потом интерес советских исследователей стал ослабевать, в то время как западные специалисты стали наращивать интерес к традиционным структурам. Дело в том, что община — сосредоточие и хранительница традиционных хозяйственных и культурных стереотипов, к некоторым из которых наша обществоведческая теория в то время относилась негативно, т. к. в науке преобладали установки на прямолинейность исторического процесса.

• Индонезии — наиболее полная в то время [10, с. 411—413; 494—557]. На заседаниях редколлегии Юрием Васильевичем была предложена научно обоснованная концептуальная структура тома, что вывело работу за рамки чисто этнографического исследования и придало ей подлинно энциклопедический характер. Это совершенно уникальное по содержанию и форме издание, не имеющее аналогов за рубежом, и по достоинству, по-моему, в силу отношения к Юго-Восточной Азии как к периферии, не оцененное научной общественностью у нас до сих пор.

Такая широкая и глубокая панорама этнополитической картины в Индонезии логически подвинула Юрия Васильевича к новому уровню осмысления и обобщения этнической ситуации в колониальной и современной Индонезии, а также в развивающихся странах со сходной этнонациональной структурой. Ю. В. Маретин полагал, что для всей истории Индонезии, начиная с периода первых крупных политических образований и до настоящего времени, были характерны две тенденции: центробежная — к "сохранению, а иногда и углублению этнической раздробленности страны" и центростремительная — к сближению различных народов на базе общих элементов культуры, на основе общности целей в борьбе за государственную самостоятельность [15, с. 145—167]. Среди основных факторов национального процесса автор выделил роль индонезийского языка в качестве общенационального, на базе которого впоследствии развивалась и современная индонезийская культура [13, с. 182—218].

В цикле своих работ по этнонациональным проблемам Ю. В. Маретин показал, что многочисленные народы современной Индонезии находятся на разных стадиях экономического развития и представляют всю этническую шкалу — от самых низших до самых сложных, национальных форм, они вовлечены в динамический процесс этносоциального развития; далее в стране идет параллельный процесс, с одной стороны — естественной этнической консолидации отдельных этносов страны в народы, нации и некие сложные переходные общности, не имеющие пока адекватного терминологического определения; с другой — отчасти естественного, отчасти искусственного формирования общепондонезийского единства. (Эта вторая тенденция имела ряд объективных оснований исторического, этноцентрического, отчасти экономического характера и поощрялась также всеми средствами со стороны правительства [15, с. 23—54; 16; 17, с. 145—231]).

Важное место в научном наследии Ю. В. Маретина занимало изучение этнонациональных процессов в регионе Юго-Восточной Азии. Он — один из авторов коллективной монографии "Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности", где им написана глава IV [17, с. 145—231]. Юрий Васильевич полагал, что Юго-Восточная Азия

представляет собой региональную целостность с присущими ей общими и специфическими чертами, в том числе и в сфере этнонациональных отношений. Он считал, что многообразие народов и культур в регионе говорит в пользу единства Юго-Восточной Азии, и обосновал свой вывод наличием общих черт в этнической истории многих народов региона, начиная с ранних этапов этногенеза и вплоть до наших дней; сходством экономических, отчасти политических и культурных условий их существования в прошлом; что самое расхождение этих народов в историческом, социально-экономическом и культурном плане происходило под влиянием сходных причин, протекало во многом по общим для данного региона законам и привело в ряде случаев к аналогичным результатам.

Особенное проявилось в предложенной ученым классификации региона на два этнокультурных субрегиона (материковый и островной), внутри каждого из которых он выделил провинции и субпровинции [17, с. 147]. Общее Юрий Васильевич видел в тесной сопряженности географического и этнокультурного факторов. Он полагал существенным для характеристики этносов деление народов Юго-Восточной Азии по географическим зонам как применительно к вертикальной зональности (население равнин, речных долин и морских побережий, средневысоких плато, высоких горных склонов), так и по степени изолированности и удаленности от морских и сухопутных торговых путей. В такой градации он видел в то же время целый комплекс этнокультурных особенностей народов, населяющих соответствующие зоны и территории [17, с. 147].

Для понимания современных этнонациональных процессов представляется важной констатация Ю. В. Маретиным того положения, что Юго-Восточная Азия по расово-антропологическому, этно-лингвистическому, социально-экономическому и культурному шпоруализму занимает едва ли не первое место среди регионов земного шара, несмотря на наличие черт безусловной региональной общности и по этим признакам [17, с. 149]. Применительно к Юго-Восточной Азии ученый, пожалуй, впервые в советской этнографии так недвусмысленно подчеркнул роль антропологического фактора в этническом развитии народов региона.

Углубляя свои представления об полиэтничности региона, он видел ее проявления в том числе и во множественности языков, которые являются важнейшим этническим показателем. Основываясь на этом критерии, Юрий Васильевич типологизировал три основные группы стран. Во-первых, страны, где имеется крупный ведущий этнос, сосуществующий с рядом малых (Кампучия, Вьетнам, Таиланд, Лаос, Бруней). Язык ведущего этноса, по определению ученого, становится государственным, общенациональным, т. е. языком-макропосредником.

Во-вторых, страны не просто полиэтнические, но и многонациональные, в которых имеются развитые или формирующиеся нации со своими литературными языками и высокой культурой (Малайзия, Бирма, Филиппины). Для этих стран, подчеркивал Юрий Васильевич, остро стоит задача не столько выбора, сколько внедрения языка-макропосредника, которым может быть язык одной, господствующей нации. В-третьих, такие страны, как Индонезия, Сингапур, где языком-макропосредником становится не язык основной нации, а язык малого этноса, ибо именно этот язык в силу исторических причин оказывается средством межэтнического общения.

Научно привлекательным и плодотворным выглядит понимание Ю. В. Маретиным этноса. По его мнению, этнос — это специфическая социокультурная группа генетически и психологически близких между собой людей, образующая динамическую систему. "Этнос наглядно выражается антитезой "мы — они", т. е. это группа людей, которая знает свою особенность, отличие от другой группы по комплексу свойств" [17, с. 158]⁴. Юрий Васильевич рассматривал этнос как системное явление, предполагающее диалектическую взаимосвязь его основных свойств. Он же подчеркивал неодинаковую значимость отдельных свойств в разные периоды эволюции этноса. "Например, такой важный параметр, как общность территории, в начальной стадии формирования этноса имеющий этногенетический характер, в дальнейшем служит постоянным и очень важным сплачивающим фактором, но уже не этногенетического, а экономического и социокультурного плана; более того, этот фактор может не существовать, а этнос сохраняется еще длительное время" [17, с. 159]. И наконец, важное замечание ученого о том, что этнос представляет собой не просто динамическую, но и историческую систему. Все этносы имеют периоды становления (этногенез), развития и перехода в новое состояние — либо на новую ступень этнического развития, либо в новое качество (вследствие ассимиляции).

Ю. В. Маретин дал исчерпывающую стадийную типологию регионального этнического развития. В качестве ранней стадии он назвал соплеменность⁵, полагая, что племя — не этнос, а одна из форм социального развития [17, с. 160]. Вместе с тем он отметил и определенную условность этого термина применительно к этнической пестроте региона.

---

⁴ К числу главных свойств Ю. В. Маретин относит общность происхождения, языка, психологии, культуры, территории.

⁵ По его определению, соплеменность — это общность людей, основанная, как правило, на действительно общем происхождении. Социально они едины, их культура в целом тоже една.

Следующей ступенькой в этнической иерархии он выделил "народности", которые в Юго-Восточной Азии складываются на основе различных племен, в том числе и довольно далеких друг от друга, в результате роста производительных сил, численного разрастания племен, социального расслоения внутри их. Юрий Васильевич считал нужным уточнить, что, как в случае с племенной стадией, под понятием "народность" в Юго-Восточной Азии подразумевают этногенетически связанные, но в социокультурном плане весьма различные образования. Нацию он рассматривал как этнос на определенном уровне развития, начиная с кануна капитализма, как историко-политическую, социокультурную и, как правило, экономическую общность людей, высший этап развития этноса с включением и этногенетически неродственных элементов. Вместе с тем ученый отмечал и другое понимание нации, широко практикующееся за пределами СССР, — как государственно-политическую общность.

Анализируя характер этнического и национального развития в Юго-Восточной Азии на современном этапе, Юрий Васильевич обратил внимание исследователей на диалектическую взаимосвязь этнического плюрализма и подвижности стадийно этнических границ, динамичность этносов. А отсюда и его предупреждение о необходимости изучения этносов не как статистических единиц с четко очерченными границами, а как динамических сущностей, находящихся в состоянии поступательного движения (при переходе на новую этническую ступень), или в состоянии растворения (в случае ассимиляции), или в состоянии преобразования в новую этническую общность (при интеграции).

Ю. В. Маретин проводил четкое различие между этническим развитием на донациональной и на национальной стадиях развития этноса. В первом случае, указывал он, эволюционируют этнические свойства, причем факторы неэтнического свойства (воздействие государства, наличие официальной идеологии, охватывающей все этносы данной страны, роль социально-экономических связей и др.) играют несоизмеримо меньшую роль, чем на национальной стадии. Во втором случае, делал вывод ученый, на этнически разнородной основе могут сформироваться единые нации, и в то же время этнически однородные общности могут в разных историко-политических условиях дать начало разным нациям.

На материале Юго-Восточной Азии Ю. В. Маретин углубил понимание таких категорий, как "этническое развитие" и "национальное развитие". Прежде всего он предостерегал против отождествления этих понятий. "Первое, — подчеркивал ученый, — связано с эволюцией собственно этноса и его атрибутов. Второе отражает не только развитие этноса на высшем для настоящего времени этапе, но каса-

ется также государственно-политической, социально-экономической и культурной стороны существования не одного, но многих составляющих данное государство этносов, вовлеченных в той или иной степени в русло общего национально-государственного развития. Для многоэтнического государства эти понятия совпадают, для полиэтнического — не совпадают, отражая двойственное содержание процесса" [17, с. 167].

Для полиэтнического государства, считал Юрий Васильевич, наиболее адекватно отражает процесс термин "этнонациональное развитие". Велик вклад ученого в научную разработку понятия полиэтнической общности или полиэтнических наций для сложных общностей полиэтнического и наднационального характера, состоящих из самых разнообразных этнокомпонентов — от соплеменностей до уже сформировавшихся наций (бирманская, малайзийская, индонезийская, филиппинская). Юрий Васильевич полагал, что термин "полиэтническая нация" шире и точнее, чем, например, термин "многонациональная общность" (стран), и применим ко всем странам, состоящим не только из наций, но из многих этносов. Он видел в определении "полиэтническая нация" перспективный характер — основной тип развития общности в полиэтнических государствах. Заключая рассмотрение проблем этнонационального развития в странах Юго-Восточной Азии Ю. В. Марстиным, необходимо отметить комплексный, междисциплинарный подход ученого к изучению межэтнических отношений.

Выводы и обобщения Юрия Васильевича по этнонациональным процессам в Индонезии и других странах с однотипной этнонациональной структурой актуальны и ныне и заставляют по-новому взглянуть на национальные процессы в Советском Союзе, когда перестройка обнажила всю теоретическую несостоятельность псевдонаучной общности под названием "советский народ". Она затупевывала подлинные национальные процессы. Юрий Васильевич был несогласен с этим понятием и отмечал его ненаучность. Рост национального и этнического самосознания, требования отдельных народов в СССР национальной и культурной самостоятельности ни в коем случае нельзя отождествлять с сепаратизмом или регионализмом. И, по-видимому, просто призывы политических деятелей нашей страны к консолидации, без четкого разграничения консолидации этнической, национальной, политической, культурной, а самое главное, экономической так и останутся призывами.

Юрий Васильевич был великим тружеником, увлеченным ученым. Всякий раз, приходя в 60-х—70-х гг. в его тесный кабинет в Институте этнографии АН СССР, заставал его неизменно за письменным столом, заваленным высокими штабелями книг, рукописей, атласов, с нарукавниками на рукавах пиджака, погруженного в свои мысли и

проблемы. Он производил впечатление сверхзанятого человека, но доброжелательного, чуткого и любезного, хотя у него отнимали самое драгоценное — время, которого ему катастрофически не хватало. Сразу же начинались хлопоты с приготовлением чая и угощением. Всегда думалось, что в такой обстановке легко творить, где, казалось, не только стены исторической Кунсткамеры, но и сам воздух и дух способствуют творчеству. И, по-видимому, это было так, поскольку работоспособность, интенсивность научного поиска были на пределе возможности. Посудите, в списке трудов Юрия Васильевича за 1971—1975 гг. — свыше 50 работ как в советских, так и зарубежных изданиях; 13 статей находилось в печати. Кроме означенных выше направлений научной деятельности, по которым он продолжал успешно работать и публиковаться, в центре его научных устремлений и новые проблемы, связанные с культурологией, религиоведением, историографией. Остановимся подробнее на понимании Юрием Васильевичем религиозных процессов в Индонезии.

Движение за национальную независимость и даже современная оппозиционная борьба часто ведутся под религиозными лозунгами: в ходе политической борьбы ставятся религиозные лозунги. Иными словами, политическое бытие растворено в известном смысле в религиозном, в религии. Исторически сложившаяся многослойность религиозной картины особенно богата в Индонезии, где она характерна живыми реликтами всех религиозных эпох. Если страна восприняла сверх автохтонного религиозного субстрата последовательно буддизм, индуизм, ислам, то это отнюдь не означает, что предшествовавшие религии вытеснены. Это не так. Наряду с откровенным (явным) присутствием названных религий доминирует синкретизм, в котором смешались все или основные эпохи религиозной истории, являя собой амальгаму в общем-то несовместимых религиозно-философских систем. Найти доминирующие политические структуры и представления в такой ситуации нелегко.

Необходимость выделять политические представления из пока не расчлененного монолита традиционного общества требовала вдумчивой работы с религиоведческой и теологической литературой соответствующих религий. Из отечественных востоковедов, изучавших о. Бали (остров классического индуизма), Ю. В. Маретин был первым, кто показал генетическую связь Бали и Явы с Индией. К таким выводам его привели исследования местного балийского индуизма. Ему принадлежит взвешенная и научно фундированная концепция непростого, синкретически многослойного религиозного комплекса: "Индуизм, впитавший в себя многие элементы религии ведического периода и некоторые культы дравидийской Индии, насыщенные анимизмом (в т. ч. элементами культа предков, верой в духов, широко распростра-

ненными жертвоприношениями, в т. ч. животных), был близок этими своими сторонами религии индонезийцев — анимизму. Поэтому-то с такой легкостью шел процесс включения индуистских богов и героев в анимистический пантеон балийцев (а также яванцев и других народов Индонезии и Юго-Восточной Азии) [11, с. 145].

Идеи Ю. В. Маретина, выдвинутые в 60-х гг., вполне подтвердились в 70—80-х гг. И сделали это американские ученые. Один из авторитетнейших американских исследователей, проведенный в полевых исследованиях на Бали 15 лет, Дж. Лансинг отмечал то, что ранее обобщил Юрий Васильевич: "Находясь на удалении от великих центров индийской культуры, крохотный и исторически незначительный Бали дает нам образец индуизации, лучше понимаемый, чем такие образцы в Камбодже, Яве, Пагане или любые другие крупнейшие индуистские цивилизации" [34, с. 111]. Надо себе представить, какова была сила научной абстракции, научной интуиции и фундаментальность востоковедного образования Юрия Васильевича Маретина, чтобы, никогда не бывав на Бали, сделать такие обобщения, на которые американскому коллеге понадобилось 15 лет полевых изысканий и которые и сейчас имеют непреходящую научную ценность.

В конце 1960-х гг. Юрий Васильевич обратился к новой для него проблеме — вопросу формирования единого внутреннего рынка в Индонезии. В 1971 г. он опубликовал большую статью (по существу, монографическое исследование — 3,5 п. л.) на эту тему [14, с. 47—91] в сборнике "«Третий мир»: стратегия развития и управления экономикой"⁶. Как и многие работы ученого, эта статья носила пионерский и новаторский характер. Ей, как и другим публикациям автора, был присущ провиденциальный характер. Как в Советском Союзе, так и за рубежом, в том числе и в самой Индонезии, эта проблема не привлекала внимания ни ученых, ни практиков. Сама постановка вопроса в то время была научно смелой и рискованной. Обладая повышенным чутьем ученого, Юрий Васильевич на примере Индонезии увидел проблему во всей ее универсальности и остроте.

Новизна заключалась в подходах. Он, пожалуй, был первым, кто стал анализировать формирующийся рынок как комплекс взаимосвязанных систем и факторов. Абсолютно новаторским было включение в этот комплекс этнонационального фактора. Ю. В. Маретин успешно преодолел существовавшие в то время трудности методологического и общетеоретического характера, связанные с тем, что в отечественной экономической и социально-политической литературе проблема внутреннего рынка в несоциалистических странах рассматривалась только

---

⁶ Авторский коллектив во главе с проф. ЛГУ С. И. Тюльпановым, видным ученым, равно как и проблематика тома заслуживают особого разговора.

с точки зрения становления или функционирования капиталистических отношений, что, как подчеркивал ученый, вносило негативный момент в исследование [14, с. 49]. И в этом для исследователя крылся определенный риск.

Важна мысль Ю. В. Маретина о том, что вначале формируются локальные рынки, которые постепенно вливаются в общегосударственный, что означает превращение внутреннего рынка в национальный [14, с. 49]. Вместе с тем узость внутреннего рынка или его отсутствие, указывал он, говорят о крайней экономической отсталости страны... и выдвигают иные задачи стратегии развития как экономического, так и политического характера [14, с. 50]. В многонациональных странах эта проблема осложняется еще и необходимостью налаживания отношений между народами страны.

Юрий Васильевич уже в то время размышлял над фундаментальными проблемами, которые ныне у нас в стране являются предметом острой дискуссии политиков и экономистов. Он полагал, что постановка вопроса "либо рынок, либо планирование" научно не корректна и практически не состоятельна. Даже для такой страны, как Индонезия, где в целом были сильны ростки капитализма и включенность в систему мирового капиталистического хозяйства (напомним, что речь идет об Индонезии второй половины 1960-х гг.), ученый недвусмысленно выступал за сочетание регулируемого рынка и планирования [14, с. 50].

Ю. В. Маретин с научной тщательностью вскрыл всю анатомию индонезийской экономики: ее многоукладность, своеобразие размещения производительных сил, отсутствие достаточных средств межостровного и внутриостровного сообщения, дезорганизующее влияние на политическую стабильность в стране экономического хаоса, инфляции, роста цен, внешнего долга и др.

Статья, как уже указывалось, писалась в конце 1960-х гг., когда правительство Сухарто стабилизировало свою экономику, т. е. делало то, что пытаемся осуществить ныне мы. Анализируя индонезийский опыт 1966—1969 гг., Ю. В. Маретин указывал на необходимость контроля над сверхбюджетными ассигнованиями; на несомненность политики стабилизации цен с политической субсидией для искусственного поддержания цен на определенном уровне или с повышением заработной платы для уравнивания ее с растущими ценами; на необходимость равномерного снабжения населения продовольствием и товарами первой необходимости во избежание резкого подъема цен. Весьма важны рассуждения ученого о взаимозависимости укрепления внутренних экономических связей и гармонизации национальных отношений.

В побуждающей к новым творческим размышлениям указанной статье я бы выделил весьма актуальные для нашей действительности

мысли Юрия Васильевича о необходимости формирования единого рынка, о создании сети локальных рынков и трансформации их в единый национальный рынок. У нас ставится задача перехода к рынку, подразумевающая его наличие в масштабе всей страны и наделение его соответствующими структурами и институтами, как-то: различные субъекты собственности, всякого рода биржи и т. п. Но вся проблема заключается в том, что, сошлось на слова нобелевского лауреата, известного американского экономиста В. Леонтьева, "в России настоящей рыночной экономики, в общем-то, не было и до революции. Зачатки какие-то были, но, скажем, сельское хозяйство до 1917 г. так и не стало предпринимательством в полном значении этого слова" [20]. Вместо рынка, думается, была создана единая централизованная система производства и распределения, действовавшая по жесткому плану. Поэтому провозглашение экономического суверенитета республиками и регионами, на наш взгляд, отражает объективную тенденцию формирования именно локальных рынков с гармонизацией спроса и предложения. В связи с этим проблема интеграции по типу Европейского Экономического Сообщества для нашей страны — задача более высокого порядка и отдаленной перспективы. Таким образом, мысли Ю. В. Маретина о рынке, хотя и высказаны были применительно к другой стране, современны и поучительны, лишней раз свидетельствуют об универсальности и объективности экономических законов.

В добрых традициях отечественного востоковедения Юрий Васильевич сочетал свою научную работу с педагогической деятельностью на Восточном факультете Ленинградского государственного университета. Он читал здесь курсы по истории Индонезии, спецкурсы по актуальным проблемам общины, этнонациональной ситуации, вел спецсеминары, руководил дипломными сочинениями, участвовал в защите курсовых и дипломных сочинений. Он был требовательным, но удивительно доброжелательным преподавателем. А самое главное, он был, без преувеличения, талантливым педагогом. Его лекции отличались содержательностью, эмоциональностью. Они захватывали воображение и будили мысль, пробуждали интерес к предмету. Он был искусным рассказчиком и в совершенстве владел словом. В яванско-балийской традиции слово надлено сакральным магическим смыслом (ланго), вызывающим своего рода гипнотическое воздействие. Думаю, что Ю. В. Маретин владел этим даром в совершенстве. Иначе чем можно объяснить желание, потребность слушать его бесконечно и с интересом.

Совмещение преподавательской работы с научной, глубокое постижение учебного процесса и доскональное знание научных достижений сделали Юрия Васильевича первоклассным автором разделов по истории Индонезии в учебниках по новой и новейшей истории стран за-

рубежной Азии и Африки, выпущенных в ЛГУ в разные годы [7, с. 102—112, 404—417]. Этими учебниками и по сей день пользуются студенты университетов и педагогических вузов.

Многогранной, кипучей и результативной была многолетняя деятельность Ю. В. Маретина в престижном научном обществе — Географическом обществе СССР, точнее в его Восточной комиссии, основанной в 1845 г. В марте 1965 г. Юрий Васильевич был принят в члены общества, а уже в мае того же года был избран в бюро Восточной комиссии, которую после смерти академика В. В. Струве возглавил известный африканист и этнограф член-корреспондент АН СССР Д. А. Ольдерогге. Своими выступлениями и сообщениями, докладами и участием в обсуждении монографий, печатных изданий комиссии Ю. В. Маретин популяризировал достижения советской востоковедной науки, от имени и по поручению общества участвовал в различных мероприятиях по расширению и углублению научных и культурных связей общества с афроазиатскими странами.

Особенно творчески активной и продуктивной была работа Юрия Васильевича в 60—70-х гг. На протяжении этих лет редко какое заседание комиссии обходилось без его деятельного участия. Так, в 1970 г. на заседании 15 мая он сделал доклад о внутреннем рынке в многонациональных развивающихся странах [3, с. 14]. 10 ноября участвовал в обсуждении итогов двух международных конгрессов: V конгресса по экономической истории (август 1970 г., г. Ленинград) и XIII конгресса исторических наук (август 1970 г., г. Москва); в декабре того же года выступал с докладом на I Всесоюзной конференции индологов в Москве [3, с. 15].

В марте 1972 г. на совместном заседании Отделения этнографии и Восточной комиссии он прочел доклад "Опыт объяснения некоторых индонезийских обрядов в аспекте этнографии и семиотики". В апреле того же года он принял участие в обсуждении проспекта серии монографий "Страны и народы", намеченной к выпуску в издательстве "Мысль" [3, с. 17].

Месяц спустя, 10 мая, Юрий Васильевич высказал свои дельные замечания о рукописи аннотированного рекомендательного библиографического указателя "Индия" (автор И. В. Сахаров).

Для Ю. В. Маретина были характерны широта взглядов, стремление раздвинуть рамки традиционных взглядов и подходов к востоковедной проблематике на заседаниях Восточной комиссии. Он нередко и сам выступал на объединенных с комиссией заседаниях других отделений ГО СССР, городских научных учреждений. Отличались научной новизной и междисциплинарным подходом его доклады и сообщения: 15 мая 1970 г. на совместном заседании комиссии и ленинградских африканистов по проблемам рынка в афроазиатских

странах [3, с. 14]; на научной конференции в Москве "География и развивающиеся страны (проблемы использования природных и трудовых ресурсов)", созданной центральной организацией географического общества, Восточной комиссией и московским филиалом ГО СССР (29/II—3/II. 1971 г.) [3, с. 15].

Деятельностью в бюро Восточной комиссии Юрий Васильевич стремился к расширению контактов ее членов с зарубежными и ленинградскими учеными, всеми силами содействовал поддержанию авторитета Восточной комиссии, с издаваемым ею сборником "Страны и народы Востока" как крупного научного востоковедного центра Ленинграда с общепризнанными благородными гуманистическими и высокими научными традициями. На заседаниях комиссии выступали видные индийские ученые: Фулрани Сенгупта (1971 г.), Рой Берман (1970 г.), Ранганатха (1970 г.), А. Р. Десаи (1971 г.) [3, с. 13, 14]. В 1980 г. было заслушано выступление основателя австралийского общества Н. Н. Миклухо-Маклая Роба Маклая [4, с. 271]. По личному приглашению Ю. В. Маретина с докладами на заседаниях Восточной комиссии выступали И. Ю. Перская, Л. М. Демин, Б. Б. Парникель, Л. Б. Алаев (все — Москва) [3, с. 7, 15, 18; 4, с. 269]. И начинающие, и маститые ученые почитали за честь выступать в Географическом обществе, настолько был высок научный рейтинг этого учреждения. И толика труда в этом — Ю. В. Маретина.

Всякий, кто мало-мальски знаком с редакторской работой, знает, насколько это трудоемкое, хлопотливое, в общем-то неблагодарное дело, которым могут заниматься на общественных началах только истинные подвижники. В составлении и редактировании издаваемого Восточной комиссией сборника "Страны и народы Востока" Юрий Васильевич принимал самое деятельное участие. Он самостоятельно составил и отредактировал три сборника [22; 24; 26]; совместно с Б. А. Вальской сделал четыре выпуска [21; 30; 27; 28]; с И. В. Сахаровым отредактировал сборник [23], а объединенными усилиями Ю. В. Маретина, Б. А. Вальской, В. А. Ромодина и И. В. Сахарова был подготовлен сборник, посвященный памяти одного из основателей Восточной комиссии Географического общества СССР А. В. Королева [25].

Вряд ли погрешу против истины, если скажу, что сборники, отредактированные Ю. Маретиным, в известной степени являются историческими источниками, дающими внимательному читателю дополнительную информацию о круге научных интересов, общения и знакомств Юрия Васильевича с авторами, о понимании и предвидении им тенденций развития науки, о его личности как ученого и мыслителя. Прежде всего, в духе гуманистических традиций ГО СССР, Юрий Васильевич поощрял изыскания и публикацию неизданных трудов,

дневников, записок, мемуаров и т. п. известных и совсем неизвестных отечественных путешественников, географов, ученых: Н. Н. Миклухо-Маклая, Г. И. Невельского, В. В. Голубева, Ф. Ф. Кулькова, Е. Р. Шнейдера и др. Особо заслужена быть отмеченной книга, посвященная выдающемуся русскому советскому ученому В. К. Арсеньеву, вклад которого в отечественную науку и историю поистине огромен. Примечательна вводная статья Юрия Васильевича "Основные проблемы изучения жизни и трудов В. К. Арсеньева", написанная с человеческой теплотой и восхищением перед талантом ученого и его бескорыстным служением науке.

Как составитель и редактор, Юрий Васильевич содействовал публикации материалов и статей по истории, этнографии, фольклору, религии и культуре советского Дальнего Востока, привлекая к сотрудничеству известных специалистов: И. С. Вдовина [22, с. 41—51], Е. А. Крейновича [22, с. 56—93; 26, с. 186—201], Б. П. Полевого [22, с. 114—149; 26, с. 93—97, 106—120], Ч. М. Таксами [22, с. 150—158], Г. А. Меновщикова [22, с. 52—56] и др.

С присущей ему провидческой интуицией Ю. В. Маретин видел в азиатско-тихоокеанском регионе неисчерпаемый источник непреходящих человеческих ценностей, роль и значение которых неуклонно возрастали как составная часть общемировой цивилизации. Он приложил много сил к тому, чтобы авторами статей являлись действительно высокие профессионалы, видные востоковеды: Д. А. Ольдерогге ("Древние связи культур народов Африки, Индии и Индонезии") [26, с. 172—185], С. Е. Яхонтов ("К этногенезу народов мао и яо") [26, с. 220—229], А. С. Мартынов ("Традиционный китайский подход к внешнему миру") [26, с. 230—243], Р. Ф. Итс ("Северные юэ и их роль в этногенезе малайополинезийцев") [22, с. 207—214] и др.

Проблематика публиковавшихся в сборниках статей отличалась широтой и новизной исследуемых вопросов. От других подобных востоковедных изданий эту серию выгодно отличало то, что многие авторы широко пользовались комплексным и междисциплинарным подходами в изучении тех или иных явлений, событий, процессов. Впервые в советском востоковедении при активном содействии Ю. В. Маретина на страницах сборников "Страны и народы Востока" стали широко и систематически публиковать статьи о национальных меньшинствах в афроазиатских странах: А. М. Решетов о китайцах в Океании [22, с. 296—307], А. Д. Дридзо об индийцах в Тринидаде [25, с. 67—90], П. М. Мовчанюк о китайцах в Индонезии [26, с. 181—212], О. Г. Барышникова и И. Ф. Жулев о китайской общине на Филиппинах [26, с. 213—229].

Все сказанное — а это лишь малая толика того, что можно рассказать о Ю. В. Маретине, — свидетельствует о незаурядности ума,

таланте ученого и педагога. И все же Юрий Васильевич был человеком глубоко трагической судьбы. В конце 1970-х гг., находясь в расцвете творческих сил, когда он стал видным теоретиком по этнонациональным проблемам в Советском Союзе и за рубежом, когда он, по сути дела, определял лицо ленинградской школы индонезиеведения и прославлял ее деяния за рубежом, по стечению роковых обстоятельств он вынужден был покинуть родной ему Институт этнографии АН СССР. Узкогрупповые амбиции одних, нежелание что-либо предпринять других и невмешательство третьих затормозили научное творчество Юрия Васильевича, нанесли непоправимый удар по ленинградской школе индонезиеведов, ослабили позиции советской индонезистики в целом.

В последние месяцы жизни он вновь приступил к активной и интенсивной научной деятельности. За два месяца до смерти он делал свои планы, настаивал, несмотря на тяжкую болезнь, на оппонировании кандидатской диссертации вьетнамского аспиранта; с большим интересом и участием он обсуждал план создания в Ленинграде малайского центра, рекомендовал привлечь к его работе крупного голландского ученого Вертхейма. Он намеревался опубликовать обобщающий труд по этническим процессам в странах "третьего мира" и думал о защите докторской диссертации на совете Восточного факультета ЛГУ. Ему не было еще 60 лет. Творческие потенции Юрия Васильевича могли вновь расцвести, однако этому не суждено было сбыться. 4 августа 1990 г. его не стало.

Мы потеряли яркое дарование, незаурядную личность, талантливого ученого, внесшего большой вклад в советское востоковедение и этнографию, основателя и видного представителя ленинградской школы индонезиеведов. Нетленным памятником будут ему его многочисленные труды, переиздание которых было бы столь желательно, сколь и необходимо.

Литература

1. Беленький А. Б. Советская историография идеологии национально-освободительного движения в колониальной Индонезии // Советская историография Юго-Восточной Азии. М., 1977.
2. Вальская Б. А. Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 10 лет (1955—1965) // Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1965.
3. Вальская Б. А., Сахаров И. В. Восточная комиссия Географического общества СССР в 1966—1972 гг. // Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973.
4. Вальская Б. А. Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 1973—1986 гг. // Страны и народы Востока. Вып. 25. М., 1977.
5. Гуревич Э. М. Советская историография новой и новейшей истории Индонезии // Советская историография Юго-Восточной Азии. М., 1977.
6. Демин Л. М. Памяти Юрия Васильевича Маретина // Народы Азии и Африки. № 6. 1990.

7. *Маретин Ю. В.* Индонезия // Новая история зарубежной Азии и Африки. Л., 1959.
8. *Маретин Ю. В.* Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабау // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая сер. Т. 23.
9. *Маретин Ю. В.* Община минангкабау и ее разложение // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая сер. Т. 23. Восточно-азиатский этнографический сборник. 2. М., 1961.
10. *Маретин Ю. В.* Народы Индонезии // Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966.
11. *Маретин Ю. В.* По поводу индийских влияний в балийской культуре // Страны и народы Востока. Вып. 5. М., 1967.
12. *Маретин Ю. В.* Основные типы общины в Индонезии // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.
13. *Маретин Ю. В.* Особенности Бахаса Индонезия как государственного языка Республики Индонезии // Вопросы социальной лингвистики. М., 1969.
14. *Маретин Ю. В.* Значение внутреннего рынка для Индонезии и трудности его формирования // "Третий мир": стратегия развития и управления экономикой. М., 1971.
15. *Маретин Ю. В.* Основные тенденции национального и этнического развития современной Индонезии // Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. М., 1972.
16. *Маретин Ю. В.* Особенности этнонационального развития в полиэтнических освободившихся странах // IX Международный конгресс антропологической и этнографической науки. Чикаго, 1973.
17. *Маретин Ю. В.* Этнонациональные процессы в регионе // Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977.
18. Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. М., 1991.
19. *Милибанд С. Д.* Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975.
20. Правда. 1990. 2 дек.
21. Страны и народы Востока. Вып. 6. М., 1968.
22. Страны и народы Востока. Вып. 13. М., 1972.
23. Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973.
24. Страны и народы Востока. Вып. 17. М., 1975.
25. Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976.
26. Страны и народы Востока. Вып. 20. М., 1979.
27. Страны и народы Востока. Вып. 24. М., 1982.
28. Страны и народы Востока. Вып. 25. М., 1987.
29. Bijdragen. Deel 117. s-Gravenhage.
30. The Countries and Peoples of the East: Selected Articles. М., 1974.
31. *Bachtiar H.* The Religion of Java. A Commentary // Readings on Islam in Southeast Asia. Singapore, 1985.
32. *Geertz H., Geertz C.* Kinship in Bali. Chicago-L., 1975.
33. An Introduction to Indonesian Historiography. Ed. Soedjatmoko. Cornell University Press. N. Y., 1965.
34. *Lansing J. S.* The Three Worlds of Bali. N. Y., 1983.
35. *Koentjaraningrat, Bachtiar H.* Penduduk Irian Barat. Jakarta, 1963.
36. *Kuntjaraningrat.* Masyarakat desa di Indonesia masa inu. Jakarta, 1964.